

Однако не успел он отойти от ворот и на десять шагов, как из храма донёсся оглушительный, сотрясающий воздух вопль Чжао Маньтана, в котором клекотала нешуточная ярость:

— Чи — Сянь — Чуань!!!

Следом за этим Чжао Маньтан, словно разъярённый бык, влетел обратно во двор, сжимая в руке какой-то предмет. Весь его испуг, оставшийся после недавних событий, как ветром сдуло, уступив место жгучей боли в сердце и невыносимой жалости к самому себе. В руке он держал левое зеркало заднего вида от своего драгоценного мопеда.

Только вот зеркало перестало быть гладким: по нему паутиной разбежались трещины, сходящиеся в центре и превратившие поверхность в сплошное крошево. Ещё печальнее выглядело пластиковое основание, крепившее зеркало к кронштейну — оно разлетелось вдребезги, и лишь крохотный кусочек, соединённый с деформированной металлической стойкой, жалко болтался в руке Чжао Маньтана.

— Ты! Ты ездил на моём мопеде! И что ты с ним сделал?! — голос Чжао Маньтана дрожал, словно он держал в руках величайшую реликвию мира. — А?! Я же только вчера выставил идеальный угол наклона! Я два часа торговался на рынке подержанной техники, чтобы урвать этот аппарат за двести юаней! А ты превратил его в грудку металлолома?!

Чи Сяньчуань, невозмутимо поглаживая ластившегося к его ногам Байбая, ответил с таким невинным видом, будто речь шла о пустяке:

— О, я ездил спасать человека.

— Спасать?! — Чжао Маньтан едва не задохнулся от возмущения. Он ткнул пальцем в разбитое зеркало, повысив голос на октаву. — Опять спасать?! Вчера поехал спасать — человек погиб, приехала полиция! Сегодня поехал спасать — мой мопед в расход пустил?! Это же маленький электромопед, Сяньчуань! Не трансформер и не скорая помощь! Какого небожителя ты там спасал, что потребовалось использовать мой транспорт как расходный материал?!

Чи Сяньчуань наконец поднял на него глаза, и тон его оставался спокойным, как гладь озера:

— Да ладно тебе, божествам не нужна моя помощь, они сами кого хочешь спасут. Это всего лишь зеркало, — он даже протянул руку и потрогал грудку пластиковых осколков. — Выглядит, конечно, страшновато, но, может, покажешь дяде Хэшаню? Подлатает, глядишь, и ещё послужит. На крайний случай — просто купишь новое стекло.

— Подлатает?! — Чжао Маньтан чуть не подпрыгнул, судорожно прижимая ладони к карману брюк, где лежали пятьсот юаней, словно это была его последняя надежда. — А ремонт разве бесплатный? А?! Новое зеркало само с неба упадёт?! Ты мне денег дашь? Мне что, кровь сдать или тебя в ломбард заложить?!

Чи Сяньчуань неспешно прошелся по двору и остановился рядом с Лю Хэшанем, который с видом стороннего наблюдателя молча следил за сценой. Похлопав того по плечу, он

выразительно кивнул в сторону кармана Чжао Маньтана:

— Посмотри на этого скрягу. Стоит ли так убиваться? Разве офицер Фан только что не дал ему пятьсот юаней за беспокойство? Этого хватит на два новых зеркала, ещё и сдача останется.

Чжао Маньтан подскочил, словно ему наступили на хвост. Он попятился, обеими руками вцепившись в карман, и вытаращил глаза на Чи Сяньчуаня:

— Сяньчуань, предупреждаю! Это, это казенные деньги! Это наш неприкосновенный запас храма Юэцзянь! Сам предок-основатель на нас смотрит! Даже не думай на них посягать! Ни цента не дам!

— О? Неприкосновенный запас? — ленивый взгляд Чи Сяньчуаня внезапно оживился, словно огонёк, вспыхнувший в темноте. — И сколько там накопилось? — спросил он с небрежным любопытством.

Стоило заговорить о деньгах, как напряжение Чжао Маньтана немного спало. Он машинально принялся подсчитывать в уме, забыв даже про разбитое зеркало:

— Ну... если добавить сегодняшние пятьсот... дай прикинуть... после прошлогодних ритуалов, жертвований прихожан и тех амулетов, что ты изредка продавал... накопилось... наверное, тысяч двадцать-тридцать? — он неуверенно замолчал, а затем снова насторожился. — Зачем спрашиваешь?! Даже не думай их прокутить! Ты сам перед алтарем клялся, бил себя в грудь, что эти деньги пойдут на реставрацию статуи и покрытие золотом! Не смей трогать! Разгневаешь предка, он тебе ночью в кошмарах явится!

Чи Сяньчуань на удивление торжественно кивнул, и на его лице промелькнуло серьёзное выражение, призванное успокоить собеседника:

— Верно, реставрация — дело важное. Негоже оставлять предка без должного почтения.

Он отпустил плечо Лю Хэшаня и зашагал не к шезлонгу, чтобы понежиться на солнце, а напрямик к боковому приделу, где стоял алтарь бога богатства Чжао Гунмина.

Чжао Маньтан опешил от такой внезапной перемены в поведении и с недоумением уставился ему вслед:

— Эй? Сяньчуань? Ты куда? Солнце же ещё светит!

Чи Сяньчуань не обернулся. Его стройная фигура скрылась за порогом придела, и лишь ленивый, чуть насмешливый голос донёсся обратно:

— Пойду вознесу благовония дедушке Чжао, попрошу его явить чудо, чтобы мой бизнес процветал, а деньги текли рекой.

— А? — Чжао Маньтан окончательно растерялся. Он стоял посреди двора с разбитым зеркалом в руках, переводя взгляд с Лю Хэшаня на закрытую дверь придела. — Это он сейчас... к чему?

Лю Хэшань, глядя на его заторможенную реакцию, расхохотался. Он покачал головой, подошёл к парню и забрал у него остатки зеркала:

— Глупыш, сколько лет ты знаком с Сяньчуанем и до сих пор его не раскусил? Он же, — понизив голос, добавил он с иронией, — услышал про тридцать тысяч в казне, вот у него и настроение поднялось! Почуял денежную перспективу, вот и засуетился.

Чжао Маньтан наконец-то всё понял! Значит, слова Чи Сяньчуаня о молитве богу богатства были не шуткой! Он действительно обрадовался тому, что в казне есть деньги! Вот же алчный до выгоды тип!

Он снова посмотрел на разбитое основание зеркала, и боль от потери с новой силой отозвалась в сердце. Даже если деньги есть, это же казенный фонд! А мопед он выстрадал, выторговал за свои кровные двести юаней! Эта обида за поруганное имущество требовала отмщения...

— Дядя Хэшань! — Чжао Маньтан вдруг что-то вспомнил, его глаза загорелись надеждой, и он уставился на рассудительного даоса. — Вы же говорили... что до того, как принять сан, несколько лет работали в мастерской? Умеете чинить технику?

Лю Хэшань довольно улыбнулся, видя перед собой такой горящий взгляд. Он похлопал себя по груди с молодецкой удалью:

— Ха, это дело житейское, молодость вспомним. Велосипеды и мопеды для меня — проще простого. Такая мелочь — если можно починить, починим, если нет — подберём новое стекло и поставим, нечего деньги на целую деталь тратить. Пошли! Сначала глянем, не повело ли раму. Если зеркало разбилось, это ещё полбеды, главное, чтобы крепления целы остались! — он подтолкнул всё ещё сокрушающегося Чжао Маньтана к выходу. — А на сэкономленные деньги вечером купим куриных ножек, а?

Чжао Маньтан, представив, что сэкономленные средства пополнят казну, заметно оживился:

— Точно! Пошли скорее! Лишь бы Сяньчуань мне раму не погнул! Это же моё сокровище!

Двое мужчин, вполголоса обсуждая «старый тип крепления», «дешёвый пластик» и «нюансы выбора подержанной техники», направились к одинокому мопеду, который в углу двора безмолвно зывал к справедливости.

Фан Шуюй и У Фэн только спустились с горной тропы на более ровную дорогу, как навстречу им поспешил Чжун Шу.

— Капитан Фан! — на лице Чжун Шу читалось облегчение от того, что он нашёл подмогу, и радость от выполненного поручения. — Мы связались с профессором Лу! Он согласился помочь, сказал, что как раз свободен и будет в участке через полчаса!

Фан Шуюй кивнул, и раздражение, вызванное безразличием Чи Сяньчуаня, немного улеглось:

— Хорошо! Отличная работа, доктор Чжун. Организуй всё так, чтобы тело доставили в морг для заморозки. Особое внимание удели биологическим образцам, изъятым на месте преступления, особенно странному порошку или любым необычным субстанциям. Мы возвращаемся в участок, чтобы систематизировать данные. Юань Юань, Цзян Юнь, — он повернулся к криминалистам, оставшимся на месте, — продолжайте прочесывать каждый дюйм. Любая мелочь — примятая листва, подозрительные следы на почве, даже чужеродная сухая трава — всё должно быть зафиксировано! Чу Тин, помогай им, будьте осторожны.

Эта странная «чистота» места, словно вымытого дождём, не давала ему покоя.

— Есть! — отозвались сотрудники.

Фан Шуюй не стал медлить и вместе с У Фэном и Ян Вань быстро уехал в управление.

В участке царил привычная суета, но в воздухе висело напряжение, предвещающее бурю. Не успел он сесть за рабочий стол и сделать глоток заваренного пуэра, как в дверь постучали — сотрудник принёс свежую сводку.

— Капитан, личность погибшей установлена. Ли Гоэр, двадцать пять лет, фрилансер, в основном вела стримы. Это документы, найденные в её сумке, и информация о её каналах. Мы связались с арендодателем, он предоставил доступ к квартире, начали проверку контактов и переписки.

Фан Шуюй взял папку. Увидев лицо и стиль одежды погибшей, он уже догадывался, с чем столкнётся, но когда прочитал, что она была стримером в жанре «хоррор и мистика», а на её странице красовались сотни тысяч подписчиков и названия трансляций вроде «Ночной визит в школу призраков» или «Ночёвка в доме с привидениями», его брови сошлись на переносице.

В материалах также упоминалось, что стиль её стримов был крайне провокационным, а подписчики искренне верили в её «реальные встречи с потусторонним», превратившись в настоящую секту фанатов.

— Это совпадает с тем, что говорил Чи Сяньчуань о людях с особой конституцией, притягивающих нечисть, — пробормотал Фан Шуюй, машинально постукивая пальцами по столу. Такой статус «магнита для зла» делал её идеальной жертвой для ритуала. Возможно, убийца искал именно таких людей, или же он был среди её фанатов.

В этот момент вошедший сотрудник добавил:

— Капитан, до нашего возвращения к вам приходил мужчина. Сказал, что он профессор медицинского факультета университета Цзинши, фамилия Лу, зовут Лу Пинчжоу. Сказал, что у вас назначено на вскрытие, сейчас ждёт в вашем кабинете.

Фан Шуюй взглянул на часы — десять сорок семь. Сказал полчаса — и приехал минута в минуту. Этот профессор Лу оказался до педантичности пунктуален.

— Вы с У Фэном и Ян Вань разберитесь с материалами, как договаривались, в два часа совещание, — распорядился Фан Шуюй. — Я пойду пообщаюсь с профессором.

Толкнув обычную деревянную дверь своего кабинета, Фан Шуюй сразу заметил фигуру у окна.

Мужчина стоял спиной к нему. Высокий, подтянутый, с широкими плечами и узкой талией. На нём была светло-серая рубашка безупречного кроя и брюки того же оттенка, что подчёркивало его академическую строгость и врождённую аристократичность.

Услышав скрип двери, он обернулся.

Послеполуденный свет пробивался сквозь жалюзи, очерчивая его профиль золотистым контуром. На переносице — очки в тонкой золотой оправе, за которыми скрывались глубокие, спокойные глаза, напоминающие холодные озёра. Тонкие губы плотно сжаты, линия подбородка чёткая и волевая. Даже в полицейском участке он выглядел как произведение искусства, отгороженное от суеты мира, отчего казалось, что даже воздух вокруг него стал тише.

Это был Лу Пинчжоу.

Фан Шуюй узнал его мгновенно. Память у него была отличная, и он сразу связал это лицо с той грандиозной свадьбой, на которой присутствовал несколько месяцев назад.

— Профессор Лу? — Фан Шуюй шагнул вперёд, на его лице отразилось удивление, смешанное с дружелюбием. Он первым протянул руку. — Не ожидал... Оказывается, это вы, тот самый гениальный друг детства моей сестры.

Лу Пинчжоу тоже узнал его. Он слегка кивнул, на губах появилась вежливая, но сдержанная улыбка, и он пожал руку капитана:

— Здравствуйте, капитан Фан. Я тоже не ожидал, что руководителем группы, о котором говорил доктор Чжун, будете вы. Мир действительно тесен.

После короткого рукопожатия они отстранились.

— К чему такие формальности, — рассмеялся Фан Шуюй, указывая на диван. — Присаживайтесь? Доктор Чжун уже ввёл вас в курс дела? Может, мне рассказать подробнее о месте преступления...

— Не стоит беспокоиться, — Лу Пинчжоу мягко прервал его. Он стоял прямо, не направляясь к

дивану, и смотрел на Фан Шуюя без тени сомнения. — Доктор Чжун всё подробно изложил: состояние жертвы, предварительные результаты осмотра и выводы судмедэксперта о характере ран и времени смерти. Я всё понял.

Он поправил очки, в стёклах которых сверкнул блик.

— А теперь, капитан, не могли бы вы проводить меня в морг? Хочу лично осмотреть тело.

Тон был мягким, но в нём сквозила непреклонная требовательность профессионала, ценящего время.

Фан Шуюй проникся уважением к этому молодому профессору, который уже успел прославиться в медицине и получить престижную награду «Ласкер». Слухи не ввали — никаких лишних любезностей, сразу к делу.

— Договорились! — Фан Шуюй не стал тратить слова, взял фуражку и надел её на голову. — Пойдёмте, морг в соседнем здании.

Они вышли в коридор, наполненный стуком клавиш и шумом голосов, и направились к серому зданию, где располагался центр судмедэкспертизы.

В коридоре, ведущем к секционной, было неестественно тихо, слышались лишь шаги их ботинок да гул кондиционеров. Воздух пропитался резким запахом антисептиков.

Чжун Шу уже ждал их у входа. Увидев Лу Пинчжоу, он просиял, как фанат, встретивший кумира, и услужливо протянул ему защитный халат, стерильные перчатки и маску:

— Профессор Лу! Вы пришли! Всё готово, прошу сюда!

Лу Пинчжоу кивнул и принялся облачаться в защитный костюм. Его движения были выверенными и точными, он даже поправил складки на перчатках.

Подойдя к тяжёлой стальной двери с окном, он положил руку на ручку, помедлил секунду и посмотрел на Фан Шуюя, который как раз завязывал завязки халата:

— Капитан Фан, я бы советовал вам остаться снаружи. Зрелище... может быть не самым приятным.

Фан Шуюй, уже натянувший маску, приподнял бровь. В его глазах читалась профессиональная уверенность и упрямство человека, повидавшего на своём веку немало:

— Не беспокойтесь, профессор. Я в полиции больше десяти лет, чего я только не видел. Даже пазлы из фрагментов тел собирал. Я справлюсь.

Лу Пинчжоу посмотрел на него, не стал настаивать и повернул ручку.

Тяжёлая металлическая дверь отъехала в сторону, и в лицо ударил густой, ледяной запах формалина, крови и разложения — холодный настолько, что, казалось, мог заморозить дыхание в груди.

<http://bllate.org/book/18779/1822042>